

УДК 82-1.09+821.161.1

В.А. Сергеева

К ПРОБЛЕМЕ ЭТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ

Как известно, значимость изучения фольклорных архетипов для прояснения магистральных путей развития мировой литературы не нуждается в специальной аргументации – она очевидна и общепризнанна. Среди учёных, которые занимались и занимаются исследованиями сказки, следует упомянуть имена В.Я. Проппа, В.П. Аникина, И.А. Худякова, А.Н. Афанасьева и многих других. Тем не менее, изучение сказки далеко от своего завершения и ещё очень многие проблемы ждут не только своего решения, но и правильной постановки.

Одной из таких проблем является появление в сказочном нарративе морально-этического компонента. Дело в том, что очевидная для неспециалиста моральная направленность сказки представляется неотъемлемой характеристикой сказки только неспециалисту. Тот факт, что изначальные варианты подавляющего большинства сказок народов мира не предполагали морально-этического различения персонажей, установлено в фольклористике уже довольно давно. Так, по мнению исследователя В.Я. Проппа «... можно сказать, что герой или героиня, имеющие морально-возвышенный облик, – это

более поздний слой по сравнению с героем, достигающим успеха любыми средствами. Герой волшебной сказки достигает успехов без всякого усилия благодаря тому, что в его руки попадает волшебное средство или волшебный помощник» [2, с. 213].

Однако, в той же работе В.Я. Пропп пишет о неслучайности этого успеха героя: «Это средство ему подарено, передано. Даритель встречен случайно, но магическая оснащённость героя – не случайность. Она заслужена им. Таким образом, высокие моральные качества героя – не придаток, они органически входят в логику и построение повествования» [2, с. 225].

Как видим, текст Проппа фиксирует если не прямое противоречие, то нестыковку двух положений, высказываемых ученым: с одной стороны, он утверждает, что «моральный» герой – это более поздний слой сказочного повествования, с другой – указывает на моральную «заслуженность» положительного героя.

Цель данной работы: обозначить направление эволюции сказочного сюжета, приведшее, в конечном итоге, к появлению однозначно морально-положительного героя.

Для достижения этой цели мы сравним несколько вариантов русской волшебной сказки, в которой интерпретируется один из самых популярных в мировой сказочной традиции сюжетов: о доброй и злой девушках. Этот сюжет выбран нами по той причине, что вознаграждение одного, «хорошего» героя и наказание другого, «плохого» героя является главным событием, а не побочным мотивом. Всё это позволит нам сосредоточиться на сути поставленного нами вопроса: чем обусловлено предпочтение одного героя другому и какое место в событии оценки «качества» героя занимают моральные соображения.

Мы сопоставим три версии этого сказочного сюжета в русской фольклорной и литературной традиции. Речь пойдет о сказке, наиболее известной под названием «Гуси-лебеди». Мы рассмотрим её три варианта: вариант «Гуси-лебеди» из первого тома собрания А.Н. Афанасьева, вариант «Братец» из собрания И. Худякова, а также литературный сценарий советского мультфильма «Гуси-лебеди».

В варианте, вошедшем в сборник А.Н. Афанасьева под названием «Гуси-лебеди» на поиски своего брата отправляется сестра Машенька. В первой части сказки девочка отказывается подчиниться встречающимся ей волшебным поморникам: «Побежала девочка дальше. Течет молочная река в кисельных берегах.

- Молочная река, кисельные берега, куда гуси-лебеди полетели?
- Поешь моего простого киселька с молочком – скажу.
- У моего батюшки и сливочки не едятся...» [1, т. 1, с. 354].

На обратном пути:

«Сестра с братцем добежала до молочной реки. Видит – летят гуси-лебеди.

- Речка, матушка, спрячь меня!
- Поешь моего простого киселька.

Девочка поела и спасибо сказала. Река укрыла ее под кисельным бережком» [1, т. 1, с. 355].

Машенька оправдывает свой отказ, так сказать, низким качеством предлагаемых угощений. Однако на обратном пути она вынуждена согласиться на предложение волшебных помощников. Правда, именно эта вынужденность и свидетельствует о слабости, если не полном отсутствии моральной мотивировки ее поступков. Говорить о моральной заслуге Машеньки здесь не приходится.

В варианте под названием «Братец», по некоторым признакам, более позднего происхождения, три сестры ищут своего братика, которого унес внезапно налетевший ветер. (Хотя впоследствии выясняется, что мальчика унес орел, появление ветра свидетельствует о довольно сильной рационализации сказочного варианта.) На этом пути все они проходят испытание березой, яблоней и печью, каждая из которых обращается к сестрам с просьбой: собрать листики с березы, яблочки с яблони и напечь просвир в печи. Старшие сестры отказывают березе, яблоне и печи потому, что это помешало бы им в поисках брата. То есть, они отказываются задержаться и помочь не потому, что они плохо заботятся о брате, что могло бы свидетельствовать об их злом нраве, а как раз потому, что хорошо заботятся о нем: они торопятся найти его и, следовательно, не могут терять

своего время попусту: «Мать и посылает старшую дочь разыскивать. Выходит она на луг, перед ней три тропинки; вот она по прямой пошла. Шла, шла, подошла к березе. «Береза, береза! Скажи, где мой братец?» – «Сбери с меня листики, половину возьми себе, половину оставь мне. Я тебе на время пригожусь!» Она не послушалась. «Мне, говорит, некогда!» И пошла дальше, подходит к яблоне. «Яблоня, яблоня! Не видала ли моего братца?» – «Собери с меня все яблочки; половину возьми себе, а половину оставь мне. Я тебе на время пригожусь». Она и говорит: «Нет, говорит, мне некогда! Когда мне собирать, я иду родимого братца искать!» [3, с. 52].

В «Братце» обе старшие сестры высказывают не только искреннее отношение, но и остроумие и храбрость: в этой версии им приходится сражаться с бабой-ягой, они побеждают, но во время последовавшей погони береза, яблоня и печь отказываются прятать их: «Пришла к этой печуре. «Печура, печура! Схорони (спрячь) меня!» – «Нет, красная девица, я тебя не буду хоронить». Пришла она к яблоне. «Яблоня, яблоня! Схорони меня!» – «Нет, красная девица, я тебя не буду хоронить». Пришла она к березе. «Береза, береза! Схорони меня!» – «Нет, красная девица, я тебя не буду хоронить!» Пошла она дальше» [3, с. 123].

Более того, обиженные печь, яблоня и молочная река помогают орлу: «А там кот замурлыкал; баба-яга проснулась, увидала: нет мальчика, кричит: «Орел сизой! Лети скорей; сестра пришла, брата унесла!» (А этот орел и от матери-то его унес). Орел сизой полетел: «Печура, печура! Не видала ли: не проходила ли тут девица с мальчиком?» – «Проходила». Он полетел дальше. «Яблоня, яблоня! Не видала ли: не проходила ли тут девица с мальчиком?» – «Сейчас прошла!» Полетел орел дальше к березе; сейчас догнал он ее, отнял брата, а ее всю изодрал, исколупал ногтями» [3, с. 123].

Противопоставление поведения старших сестер поведению младшей не удается в терминах «плохие» – «хорошая». Старшие сестры кажутся даже более озабоченными спасением своего брата, чем младшая сестра, но волшебную помощь получает именно она. В контексте «нормальной» житейской логики весьма проблематично

найти этому объяснение, т.к. в науке нет устоявшегося мнения по этому вопросу, одно из авторитетных решений опирается на связь волшебной помощи с событием нарушения запрета, ключевого для сказки: запрет нарушает именно младшая сестра, соответственно, она и вознаграждается согласно специфическим закономерностям архаической логики повествования. Однако в контексте настоящей работы нам достаточно лишь отметить появление на месте, в сущности, иррациональной помощи со стороны волшебных помощников, выражения вполне оправданной благодарности. На наш взгляд, особенно отчетливо это проявляется в позднейшей литературной обработке данного сюжета.

Примером литературной обработки фольклорного сюжета нам послужит сценарий мультфильма «Гуси-лебеди». Мы рассмотрим лишь встречу Машеньки с речкой:

« – Машенька-голубушка! Помоги мне! Убери тяжелые камни! Дай простор моей водице!

– Ой, некогда мне, реченька! Братца выручать надо! Видно пожалеть тебя придется!

– Спасибо тебе, Машенька!

– Не видала ли ты, реченька, куда гуси полетели?

– Вон туда!» [4, с. 135].

На обратном пути речка прячет Машеньку с братцем под широкой волной.

В отличие от позднего варианта народной сказки («Братец»), Машенька помогает печке, яблоне и речке не в тот момент, когда ее буквально принуждают к этому обстоятельства, а сразу после их просьбы, то есть, моральное усилие в данном случае носит непосредственный, не мотивированный внешней опасностью характер. В то же время, что тоже весьма показательно, речка с кисельными берегами «уступает» место обыкновенной речке. Очевидно, введение морального компонента обесценивает волшебную атрибутику сказки. Как представляется, это может быть объяснено не только собственно авторской инициативой, но и какими-то внутренними закономерностями становления и функционирования сказочного дискурса.

Сравнение трех вариантов сказки о похищенном брате обнаруживает тот факт, что моральный мотив поведения главного персонажа, маленькой девочки, набирает силы лишь постепенно, по мере рационализации архаического сюжета.

В первом рассмотренном варианте сказки такой моральный мотив практически отсутствует: девочка ищет брата, потому что она боится наказания; сначала она отказывает печке, яблоне и речке, потому что брезгает их угощением; но на обратном пути она всё-таки соглашается отведать их угощения под непосредственной внешней угрозой со стороны злых сил. Иными словами, Машенька архаичного варианта руководствуется эгоистическими мотивами на всем протяжении всего действия.

Во втором варианте этот мотив поведения персонажей ослаблен: старшие сестры отказываются помогать, потому что торопятся спасти брата и при этом ищут его по собственной воле, а не из страха наказания; в поведении младшей намечается позднейшее литературное решение: она откликается на просьбу о помощи, но деревья и речка обещают пригодиться (чего не было в раннем варианте).

Наконец, в литературном сценарии мы видим изображение морального усилия главной героини: девочка откликается на все просьбы о помощи, не получая взамен никаких обещаний или гарантий вознаграждения. Только в этом варианте сказки мы смело можем говорить о моральном уроке в чистом виде.

Подытожим наши наблюдения.

1. В. Пропп ввел и использовал в своих трудах понятие о рационализации. Этим термином русский ученый обозначил более или менее очевидные следы вмешательства в устные варианты сказки литературно образованных собирателей или не твердых в следовании древней традиции рассказчиков. Моменты рационализации бывают связаны с различными фрагментами сказочного повествования, однако, чаще всего – практически всегда – рационализация имеет место там и тогда, где и когда в фольклорном тексте обнаруживаются причинно-следственные лакуны. Иными словами, новейшие рассказчики, сталкиваясь с очевидными мотивационными пробелами, восполняли их, черпая «материал» в актуальном житейском опыте своего времени.

2. Литературная обработка сказочного сюжета наиболее отчетливо отличается от архаических вариантов в части морально значимых мотивировок. Если в архаическом тексте такие моральные мотивировки практически отсутствуют, то в литературном варианте они всегда играют решающую роль. Увеличение значимости морального компонента сопровождается прежде всего уменьшением роли волшебного компонента в любом сказочном повествовании.

3. Моральный компонент – это сюжетно значимая моральная мотивация поступков всех главных персонажей сказки и он формируется на более поздних этапах бытования сказки в устной традиции. Возможно, что на основе большего или меньшего присутствия таких моральных мотивировок в сказках можно делать выводы о хронологии развития того или иного сказочного сюжета.

4. Дальнейшее изучение морального компонента сказочного повествования следует проводить с учетом замеченной корреляции между моральным и волшебным компонентами сказочного нарратива.

Литература

1. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: в 3-х т. / А.Н. Афанасьев. – М.: Наука, 1985. – Т.1. – с.330-365.
2. Пропп В.Я. Русская сказка / В.Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2000. – 416 с.
3. Худяков И.А. Великорусские сказки / И.А. Худяков. – М., 1860. – 148 с.
4. Фильмы-сказки. Сценарии мультипликационных фильмов. – М., Госкиноиздат, 1950 г. – 206 с.

Анотація

В.А. Сергєєва. До проблеми етичного конфлікту у чарівній казці.

Статтю присвячено проблемі моральної раціоналізації чарівної казки, що привела до появи однозначно морально-позитивного героя. Проведено порівняльний аналіз трьох варіантів російської чарівної казки. Порівняння трьох варіантів російської чарівної казки виявляє той факт, що моральний мотив поведінки головного героя набирає сили лише поступово по мірі раціоналізації архаїчного сюжета. У першому варіанті такий мотив практично відсутній, у другому варіанті цей мотив поведінки героїв ослаблений, у третьому – моральний мотив відображається повністю. На підґрунті аналізу сформульовано гіпотезу, згідно якої моральний компонент формується на пізніх етапах іс-

нування казки в усній традиції і, що моральний та чарівний компоненти казкового оповідання є зв'язаними відношенням кореляції. Літературна обробка казкового сюжету найбільш виразніше відрізняється від архаїчних варіантів у частині морально значимого мотивування. Якщо у архаїчному тексті такі мотивування практично відсутні, то в літературному варіанті вони відіграють вирішальну роль. Збільшення значущості морального компонента супроводжується зменшенням ролі чарівного компонента чарівного оповідання.

Ключові слова: чарівна казка, мораль, мотив, раціоналізація, варіант, кореляція.

Анотация

В.А. Сергеева. К проблеме этического конфликта в волшебной сказке.

Статья посвящена проблеме моральной рационализации волшебной сказки, приведшей к появлению однозначно морально-положительного героя. Проведен сопоставительный анализ трех вариантов русской волшебной сказки. Сравнение трёх вариантов русской волшебной сказки обнаруживает тот факт, что моральный мотив поведения главного персонажа набирает силы лишь постепенно, по мере рационализации архаического сюжета. В первом варианте такой мотив практически отсутствует, во втором варианте данный мотив поведения персонажей ослаблен, в третьем – моральный мотив изображается полностью. На основе анализа сформулирована гипотеза, согласно которой моральный компонент формируется на поздних этапах бытования сказки в устной традиции и, что моральный и волшебный компоненты сказочного повествования связаны между собой отношениями корреляции. Литературная обработка сказочного сюжета наиболее отчетливо отличается от архаических вариантов в части морально значимых мотивировок. Если в архаическом тексте такие мотивировки практически отсутствуют, то в литературном варианте они играют решающую роль. Увеличение значимости морального компонента сопровождается уменьшением роли волшебного компонента сказочного повествования.

Ключевые слова: волшебная сказка, мораль, мотив, рационализация, вариант, корреляция.

Summary

V. Sergeeva. To the Problem of Ethical Conflict in the Fairytale.

The article is devoted to the problem of moral rationalisation of the fairytale which brought to the appearance of the unambiguously morally positive hero.

The analysis of three variants of the Russian tale is undertaken. The comparison of three variants of the Russian tale shows that moral motive of the main characters behaviour gains strength consistently in process of rationalization of an archaic plot. In the first variant such motive is practically absent, in the second variant this motive is weakened, in the third – the moral motive is completely represented. On the basis of this analysis the hypothesis is formulated according to which the moral component is formed at late stages of the existence of the fairytale in the oral tradition and that the moral and fairy components of the fairytale narrative are connected by a kind of correlation. The literary processing of the fantastic plot most brightly differs from archaic variants in the part of morally significant motivation. If in an archaic text such motivations are absolutely absent, in the literary variant they play the leading part. The increase of the importance of the moral component is accompanied by the role reduction of the magic component of the fantasy narration.

Key words: fairytale, moral, rationalisation, motive, variant, correlation.